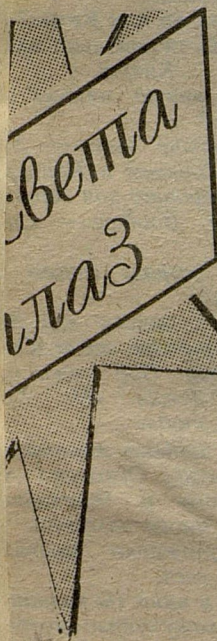
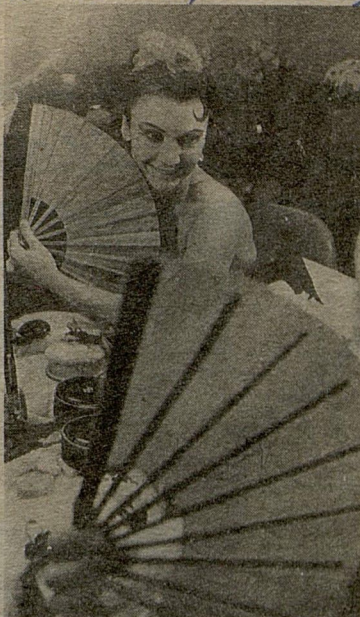

Москвичка. — 1994. — 21 апр. (№ 12). — С. 6.

В Кремлевском дворце съездов должен был я взять интервью у народной артистки СССР, знаменитой балерины Раисы Стручковой. Она танцевала в «Дон Кихоте» главную партию — Китри. В антракте меня провели за кулисы, в гримерную. Яркий свет у зеркал, цветы, балетные пачки на стульях, несколько пар новых розовых атласных пуантов, запахи грима, духов, кофе — все легло в сознание потом. А первым впечатлением был вопросительный взгляд искусно оттененных и потому особенно больших чудно-серых глаз молодой, красивой женщины с обнаженными плечами.

Ее торопили на сцену, и поправив свой экзотический костюм, оглядевшись в зеркалах, она прошла по комнате «на пальчиках», обернулась и... не Раиса Стручкова, а Китри — дочь испанского трактирщика, веселая, темпераментная, влюбленная, словно вышла вдруг из времен странствующего рыцаря Дон Кихота. Поразительным было перевоплощение в театральный образ, море света ее глаз. Наверное, эта творческая особенность плюс филигранно отточенное мастерство, вложенное в роль душевное состояние и завораживали зрителей, когда она танцевала трагическую Жизель, простую в выражении чувств девочку Машу в «Щелкунчике», противоречивую и потому особенно сложную партию Одетты-Одиллии в «Лебедином озере», Золушку, Джульетту.

Потом я встречал Раису Степановну в Большом театре, и в редакции журнала «Балет», который она редактирует, и в жюри международных конкурсов артистов балета, и просто случайно. Разговаривали о театральных новостях, восходящих талантах, о зарубежных впечатлениях с ее гастролей. И был просто спокойно-приветливый ее взгляд, вовсе не похожий на тот искрометный испанки Китри.

